

Главные тенденции нашего времени

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

ГЛАВА 1. Три главные тенденции нашего времени

Три наиболее важные тенденции нашего времени — это, во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового — интегрального — социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности.

**Сорокин Питирим
Александрович** —

русско-американский социолог и культуролог один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности

Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., послесл. и прил. Т. С. Васильевой; РАН, Институт социологии. — М.: Наука, 1997 (Sorokin, Pitirim A. *The Basic Trends of Our Times*. Rowman & Littlefield Publishers, Incorporated, 1964)

1. Перемещение творческого лидерства

Все мы знаем, что творческое лидерство, малого и крупного масштаба, в узкой и широкой сфере деятельности, перемещается с течением времени с места на место, от группы к группе, от института к институту, от страны к стране. Поэтому во времена У. Джемса, Дж. Ройса, Пирса, Пальмера и Мюнстерберга философское отделение Гарварда было, конечно, лидирующим среди философских отделений всех американских университетов. После смерти этих философов Гарвардское отделение потеряло свое бывшее превосходство и отделения философии других университетов присвоили себе лидерство. Около тридцати лет тому назад университет Чикаго, несомненно, имел лидирующее отделение социологии в этой стране. В конечном счете он потерял свою лидирующую роль. То же

можно сказать и о других отделениях университетов и любых других видах лидерства. Около семидесяти лет тому назад Новая Англия была центром текстильной и других индустрий. Позднее центры текстильной, стальной и других индустрий переместились в другие регионы Соединенных Штатов. С 800 до 1600 г. Италия сделала примерно от 25 до 41% всех научных открытий и изобретений в Европе; с 1726 г. до настоящего времени этот вклад Италии снизился приблизительно до 2–4%. Вклад Соединенных Штатов составил только 1,1% всех открытий и изобретений за период с 1726 по 1750 г.; эта доля увеличилась до 25,3% за период 1900–1908 гг.; в настоящее время она еще более возросла¹.

История сообщает нам, что когда-то великим центром политической власти был Египет; в другой период он переместился в Вавилон или Персию; затем в Индию или Китай, затем в Рим или Европу; и в самой Европе он продолжал переходить от одного народа к другому. Также и великие центры музыкального творчества в Европе были в какой-то период в Спарте; затем в Риме и Милане; затем, после средневекового периода, в Италии и Франции, Нидерландах и Англии, Австрии и Германии; и наконец, в России, Норвегии, Финляндии и Соединенных Штатах. За последние десять веков творческие центры экономических империй Европы были в Испании, Португалии и Италии, затем в Нидерландах, Франции, Англии, Австрии и Германии; теперь этот центр переместился в Соединенные Штаты и Россию.

Эти примеры ясно показывают, что подразумевается под перемещением творческих центров лидерства.

Наилучшим свидетельством этой мобильности является перемещение творческого центра человеческой истории, или лидерства всего человечества.

Приблизительно до четырнадцатого века творческое лидерство удерживалось народами и государствами Азии и Африки. В то время как наши предки на Западе имели еще самый примитивный образ жизни и культуры, в Африке и Азии великие цивилизации — египетская, вавилонская, иранская, шумерская, хеттская, индийская, китайская, средиземноморская (критомикенская, греко-римская, арабская) и другие — возникали, росли и переживали колебания расцвета и упадка в течение тысячелетий. Западные — евроамериканские — народы были самыми последними, кто принял на себя творческое лидерство человечества. Они несли свой факел лишь в течение последних пяти или шести веков.

В течение этого короткого периода они блестяще выполнили свою творческую миссию, особенно в области науки, технологии, чувственных изящных искусств, политики и экономики. В настоящее время, однако, европейское монополистическое лидерство можно считать почти завершившимся. Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африканоамериканско-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать — помимо Европы, Америки и России — возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира. Этот эпохальный сдвиг уже начался и проявил себя в распаде великих европей-

ских империй, таких как британская и французская, в уменьшении политического и культурного влияния Европы в международных отношениях, в перемещении творческой активности некоторых европейских народов на другие континенты: англо-саксов — в Соединенные Штаты, Канаду и Австралию; испанцев и португальцев — в Латинскую Америку; в творческом росте азиатской России по сравнению с европейской частью и так далее. Еще более сильным показателем этого сдвига является несомненное возрождение великих культур Азии и Африки: индийской, китайской, японской, индонезийской, арабской, еврейской и других. Успешное освобождение этих народов от колониального рабства — быстрый рост их политической и социальной независимости, их влияния в международных делах, их научного и технологического развития (включая рост числа нобелевских и других лауреатов); успешное распространение их религиозных, философских, этических, художественных и культурных ценностей в западном мире и многие другие явления свидетельствуют о начале этого возрождения. Все это и многие другие очевидные факты безусловно указывают на сдвиг в творческом лидерстве человечества от монополистического господства Европы и Америки в Азию и Африку. Этот сдвиг череват важными изменениями во всех областях культуры и в социальной жизни всех наций. Его влияние на будущую историю человечества будет, несомненно, больше, чем влияние альянсов и дезальянсов западных правительств и правящих групп. Такова первая основная социокультурная тенденция нескольких последних десятилетий. (Дополни-

тельную информацию об этой тенденции см. в следующем очерке «Диагноз и прогноз взаимоотношений между Востоком и Западом».)

2. Чувственный (sensate), идеациональный и интегральный социокультурные типы общественного строя

Другие две тенденции, продолжающийся распад чувственной социокультурной системы Запада и возникновение и рост нового — интегрального — социокультурного строя, возможно, еще более важны для настоящего и будущего человечества. Для того чтобы в полной мере раскрыть значение этого положения, я должен дать дефиниции этих терминов.

Около тридцати лет тому назад я поставил подробный диагноз современному положению западной культуры и общества с предсказанием грядущих тенденций, включая повторные предостережения о надвигающихся ужасных войнах, кровавых революциях, нищете и «высвобождении» в человеке «худшей из бестий». В форме резюме этот диагноз выглядел следующим образом: «Каждый значительный аспект жизни, организации и культуры западного общества находится в чрезвычайном кризисе... И тело, и душа его больны... Мы живем, по-видимому, между двумя эпохами: умирающей чувственной (секулярной) культурой нашего великолепного вчера и наступающей (новой) культурой творческого завтра. Мы живем, думаем и действуем в конце блестящего шестисотлетнего чувственного дня. Косые лучи солнца еще освещают славу уходящей эпохи. Но свет гаснет и в углубляющейся тьме, в тумане су-

мерек становится все труднее видеть и безопасно ориентироваться. Ночь переходного периода с ее кошмарами, пугающими тенями, разрывающими сердце ужасами начинает неясно выступать перед нами. Однако вдали, вероятно, поджидает заря новой великой культуры, чтобы встретить людей будущего».

Несмотря на враждебную критику моего диагноза кричаще оптимистичным общественным мнением 1920-х гг. мои предсказания в течение последних тридцати лет оказывались верными. Таким образом, история подтвердила мою правоту.

Поскольку переходное состояние современной евро-американской культуры и общества в значительной мере определяет его существенные черты, целесообразно обрисовать более тщательно природу кризиса, в котором они находятся в настоящее время.

Короче говоря, главные элементы кризиса следующие: он заключается в распаде чувственной формы нашей культуры, общества и образа жизни, которые преобладали в западном мире в течение последних пяти столетий; кризис охватывает все сферы этой чувственной культуры и общества; в этом смысле он всеобщий, эпохальный и величайший из всех кризисов в истории западного мира.

Чувственная культура

Чувственная форма культуры и общества базируется на том основополагающем принципе, что истинная реальность и ценность является чувственно воспринимаемой и что за пределами реальности и ценностей, которые мы можем видеть, слышать, ощущать во вку-

се, прикосновении и запахе, нет другой реальности и нет реальных ценностей.

В целом система чувственной культуры представляет собой артикуляцию и «материализацию» этого основного принципа в ее науке и философии, немало в религии, в ее праве и этике, ее экономике и политике, изящных искусствах и социальных институтах. Этот основной принцип становится также главной детерминантой доминирующей ментальности, стремлений и образа жизни чувственного общества. Достаточно последовательно чувственная культура делает свидетельство наших чувств критерием того, что есть истина и что есть ложь. Она интенсивно развивает научное познание физических и биологических свойств чувственной реальности, которая мало способствует творческому развитию мысли в сверхчувственных сферах религии и теологии.

Хотя чувственное общество вполне успешно производит множество технологических открытий, имеющих целью увеличение телесного комфорта чувственной жизни, оно не достигает успеха в разработке эффективной техники для преобразования душ и «производства» сверхчувственных ценностей Царства Божия. В то время как оно весьма покровительствует развитию материалистической, эмпирической, позитивистской и других чувственных философий, оно не поощряет развитие идеалистической, мистической и сверхчувственной систем философии. Несмотря на свое поверхностное служение ценностям Царства Божия, оно заботится, главным образом, о чувственных ценностях благосостояния, здоровья, телесного комфорта, чувственных удо-

вольствиях и жажде власти и славы. Его доминирующая этика неизменно утилитарна и гедонистична. Оно рассматривает все этические и законодательные правила как простые изобретения человеческого ума, в высшей степени относительные и изменчивые. Его политика и экономика также чрезвычайно утилитарны и гедонистичны. И как мы увидим, его изящные искусства отличаются подобными же чувственными характеристиками.

Чувственная форма возникла в западной культуре в конце двенадцатого столетия и постепенно, после пятнадцатого века, стала доминирующей, вытеснив предшествующую ей религиозную, или идеациональную, форму, которая преобладала в средневековый период в западной культуре и обществе примерно с седьмого до тринадцатого века.

Идеациональная культура

Идеациональная культура и общество средних веков базировались и были артикулированы во всех своих аспектах на том основном принципе, что истинная реальность или ценность — это сверхчувственный и сверхрациональный Бог и его Царство, как определено в христианском Символе Веры; в то же время чувственная реальность или ценность либо просто мираж, либо даже что-то негативное и греховное. Более того, идеациональная культура признавала Божественные откровения как критерий истины и не признавала свидетельство чувств. В соответствии с этим, идеациональная культура мало заботится о научном подходе к исследованию чувственных феноменов или об изобретении технологических приспособлений; поскольку чувственный

мир в целом это просто мираж и такая деятельность — лишь трата времени и энергии, исследование не более чем теней реальности и ценности.

Вследствие этого, идеациональная культура является нетворческой в области науки и технологии, так как она сосредоточивает свою познавательную энергию на изучении Царства Божия и реализации ценностей во время краткого земного путешествия человека к вечности. Слова св. Августина «*Deum et animam scire cupio. Nidilne plus? Nihil omnino*» («Я хочу познать Бога и душу. Ничего больше? Абсолютно ничего») ярко выражают это свойство идеациональной культуры. По этой причине она является творческой в сфере религии: теология логически становится царицей наук, а наука функционирует лишь как служанка религии. Только идеалистическая, мистическая и сверхчувственная философии процветают в ее границах, в то время как материалистическая, механистическая, эмпирическая, позитивистская и другие чувственные философии в этом типе культуры не пользуются признанием. Она озабочена прежде всего спасением душ и ценностей Царства Божия и рассматривает как грех и искушение привязанность к материальным и чувственным ценностям. Ее истины и ее этические и законодательные правила считаются откровением Божественных заповедей, универсальным и безусловным в своей истине и обязывающей силе, ее правление осознанно теократическое и ее духовный авторитет верховенствует над секулярными силами. Вдобавок, ее экономика обусловлена ее религиозными и моральными заповедями.

Наконец, для чувственной и идеациональной культур характерны со-

вершенно различные типы изящных искусств, каждая из них творит в соответствии с основным принципом культуры. Два типа искусства отличаются друг от друга как по предмету, так и по стилю.

В соответствии с основными принципами идеациональной культуры, предметом идеационального искусства является сверхчувственное Царство Божие. Его «герои» — Бог, ангелы, святые и душа, а также таинства Творения, Воплощения, Искушения и другие трансцендентальные события. Это насквозь религиозное искусство. Оно уделяет мало внимания личностям, объектам и событиям чувственного мира. Поэтому в живописи мало пейзажа, жанра, спокойной жизни или портретов действующих лиц. Ее объект не должен доставлять наслаждение, удовольствие, развлекать, но приводить верующего к более тесной гармонии с Богом. Ее искусство священо и не допускает никакого сенсуализма, эротики, сатиры, комедии или карикатуры. Ее эмоциональный тон благочестивый, нравоучительный и аскетичный.

Доминирующий стиль идеационального искусства символический, оно лишь видимый, слышимый или чувственный знак невидимого или сверхчувственного мира ценностей. Поскольку Бог и сверхчувственные реальности не имеют каких-либо специфических материальных форм, их нельзя воспринять и изобразить натуралистически; их можно изобразить лишь символически. Изображения голубя, якоря или оливковой ветви в раннехристианских катакомбах были зримыми символами ценностей незримого Божьего мира. Погруженное в трансцендентальный мир

вечности, идеациональное искусство статично, иератично, внешне просто и архаично, оно избегает чувственных приправ, помпы, показных проявлений. Будучи искусством общения человеческой души с Богом и с самой собой, оно не нуждается в профессиональных посредниках-художниках и является творением анонимного коллектива верующих, общающихся с Богом и своими собственными душами.

Все мы знаем, что высшие образцы средневековой архитектуры — это великие кафедральные соборы, посвященные Богу. Их внешние формы — крестообразное основание, купол или шпиль, и почти каждая архитектурная и скульптурная деталь символичны. Это поистине Библия в камне. Средневековая скульптура, в свою очередь, полностью религиозна и воспроизводит сюжеты Ветхого и Нового Заветов, «застывшие» в камне, глине, дереве или мраморе. Более того, средневековая живопись является художественным воплощением этих Заветов; она почти полностью символична и потустороння. Средневековая литература берет начало, главным образом, из Библии. Средневековая музыка состоит из амвросианского, грегорианского пения и других незамысловатых мелодий с их *Kyrie eleison*, *Agnus-Dei*, *Credo*² и полурелигиозными песнями пилигримов. Она облечена в форму одногласную, неземную, избегающую любых чувственных украшений. Ведь это музыка общения человеческой души с Богом. Религиозные службы и церемонии главные формы средневековой драмы. Это искусство не создавалось для рынка, для целей выгоды, для славы, популярности или чувственного наслаждения. Оно было создано, как сказал Феофил,

«nec humane laudis amore, nec tem temporalis premil cupiditate... sed in augmentum honoris et gloriae nominis Dei» (не ради любви человека к похвале, не из алчности к мирской награде, но ради умножения чести и славы имени Господа). Короче говоря, господствовавшее в средние века искусство было поистине великим идеациональным искусством.

В соответствии с основным принципом чувственной культуры, чувственное искусство живет и развивается полностью в пределах эмпирического мира чувств. Эмпирический пейзаж, жанр, объекты, события и приключения, эмпирическая портретная живопись и чувственные ценности являются его предметом. Политические и деловые руководители, фермеры, рабочие, домохозяйки, девушки и другие человеческие существа — это его модели. Цель чувственного искусства — доставить утонченное чувственное наслаждение, отдых, стимуляцию усталым нервам, удовольствие, радость и развлечение. По этой причине оно должно быть сенсационным, страстным, патетическим, сладострастным и непрестанно новым. В похотливости и эротике своей перестойной фазы оно отделяется от религии, морали, часто даже от науки, философии и других ценностей и называет себя «искусством для искусства». Поскольку оно должно развлекать, оно широко использует карикатуру, сатиру, комедию, фарс, разоблачения, смех и тому подобные средства. На перестойном этапе оно становится эклектичным и предлагает на своих выставках и в бестселлерах грубую банальную страпню.

Его стиль натуралистический, визуальный, свободный от какого-либо

сверхчувственного идеализма. Оно воспроизводит эмпирические феномены так, как они смотрят, звучат, пахнут или как-то иначе являются нашим органам чувств. Оно динамично в самой своей природе, в своей эмоциональности, в своих неистовых страстях, действиях и зрелищах. Оно вынуждено быть непрерывно изменяющимся в последовательности своих стилей и прихотей, иначе оно станет нудным и безрадостным. Это искусство поверхностных шоу, разодетое напоказ. Поскольку оно не символизирует никакие сверхчувственные ценности, оно, подобно шикарной девице, зависит от своей внешности. Чтобы сохранить свое очарование, оно должно обильно использовать «пудру и румяна», помпу и случай, грандиозность, ошеломляющую технику и другие средства внешнего украшения. Это искусство профессиональных художников, угождающих своим патронам и инертной публике, а на перестойном этапе — требованиям рынка и различных коммерческих дельцов в искусстве.

Интегральная культура

Изредка появляется и расцветает на сравнительно короткое время третий основной тип культуры и изящных искусств, промежуточный между чувственным и идеациональным. Его основной принцип гласит, что истинной реальностью-ценностью является Неопределенное Многообразие (Infinite Manifold), которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, неотделимые одна от другой. Этот тип культуры можно назвать интегральным. Все его компоненты и его социальная жизнь выражают этот принцип. Он обращает внимание как на эмпириче-

ские, так и на сверхэмпирические аспекты истинной реальности-ценности. Наука, так же как философия и теология, начинают расцветать в нем, и они гармонично сотрудничают друг с другом. Предметы изящных искусств здесь частично сверхчувственные и частично эмпирические, но только в самых благородных и возвышенных аспектах чувственной реальности. Его герои отчасти боги, отчасти в высшей степени героические человеческие существа. Это искусство, намеренно пренебрегающее всем вульгарным, низким и безобразным в эмпирическом мире чувств. Оно облагораживает недостойное, украшает безобразное, омолаживает старое и увековечивает смертное. Его стиль отчасти символический и аллегорический, отчасти реалистический и натуралистический. Его эмоциональный тон спокойный, мирный и невозмутимый. Художник здесь просто *primus inter pares* в обществе, членом которого он является.

Каждый из этих трех типов культуры и изящных искусств был реализован несколько раз: среди племен, не имевших письменности, в Древнем Египте, Вавилоне, Иране, Индии, Китае, Греции и Риме и в западном мире. В жизнеописаниях греко-римской и западной культуры и искусства доминирующей формой греческой культуры и изящных искусств от девятого до шестого века до н. э. была идеациональная; со второй половины шестого до конца четвертого века до н. э. они были преобладающе интегральными; в течение последующих веков греко-римская культура и искусство стали преимущественно чувственными; после третьего века н. э. они дезинтегрировались в эклектичную смесь разных типов, и так было до тех пор, пока

эклектизм не был заменен, после шестого века, христианской идеациональной культурой и изящным искусством, которые сохраняли свое господство до конца двенадцатого века. В конце двенадцатого века идеациональное искусство и вся идеациональная культура начали дезинтегрироваться, возникли и стали развиваться новые чувственные культура и искусство. В тринадцатом веке эти два потока встретились и произвели чудесную европейскую интегральную культуру и искусство тринадцатого и четырнадцатого веков. В конце пятнадцатого века чувственный тип культуры для большинства европейских изящных искусств (кроме музыки, интегральный тип которой сохранял свое хрупкое превосходство почти до девятнадцатого века) стал доминирующим и господствовал до конца девятнадцатого века. В течение столетий его господства чувственная культура беспрецедентно прогрессировала в науке, технологии, экономике и политике, она создала огромную сокровищницу великоленных произведений чувственной музыки, живописи, скульптуры, литературы и драмы. Однако в конце девятнадцатого века эта творческая культура начала проявлять симптомы усталости и дезинтеграции³.

Вспышка войн, революций и преступлений как следствие дезинтеграции чувственного строя

В двадцатом веке великолепный чувственный мир западного человека начал быстро разрушаться и затем гибнуть. Произошла, среди прочего, дезинтеграция моральных, правовых и других ценностей, которые изнутри контролировали поведение индивидов и групп и управляли ими. Когда прекращается

контроль глубоко интериоризированных религиозных, этических, эстетических и других ценностей над человеческими существами, то они, и индивиды, и группы, становятся жертвами обмана и грубой силы, которые получают высший контроль над их поведением, отношениями и судьбами. В таких обстоятельствах человек превращается в человеческое животное, управляемое, главным образом, своими биологическими побуждениями, страстями и вожделием. Вспыхивает индивидуальный и коллективный неограниченный эгоизм; борьба за существование становится интенсивнее; сила становится правом; и войны, кровавые революции, преступность и другие формы межчеловеческих раздоров и жестокости вспыхивают в беспрецедентном масштабе. Так это было во все великие переходные периоды от одного базисного социокультурного строя до другого; и так это происходит в настоящем столетии. Заметная дезинтеграция чувственного порядка возбудила вспышки первой и второй мировых войн, множество войн меньшего масштаба, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилия в их наихудших формах. Эти вспышки сделали наше столетие самым кровавым из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и западной истории.

Войны, революции, мятежи и преступления, в свою очередь, ускорили дезинтеграцию чувственного строя. Она продолжается и в настоящее время, являясь одной из трех основных тенденций нашего века. К счастью для всех тех обществ, которые не погибают в период такого перехода от одного базисного порядка к другому, процесс дезинтегра-

ции часто вызывает мобилизацию оппозиционных сил. Слабые и незначительные вначале, эти силы медленно растут и затем начинают не только бороться с дезинтеграцией, но также планировать и затем строить новый социокультурный порядок, который может более адекватно разрешить гигантскую задачу критического перехода и постпереходного будущего. Этот процесс возникновения и роста сил, планирующих и строящих новый порядок, уже заявил о себе и сейчас медленно развивается. Это третья главная тенденция нашего времени.

Эпохальная борьба между все более возрастающими бесплодными и деструктивными силами умирающего чувственного строя и созидательными силами возникающего интегрального социокультурного строя характеризует все сферы современной культуры и социальной жизни и глубоко влияет на образ жизни каждого из нас.

Эпохальная борьба в науке

В науке этот двойственный процесс проявил себя: с одной стороны, (а) все нарастающей разрушительностью морально безответственных научных достижений чувственного типа, подобных ядерным средствам войны, изобретенным и продолжительное время совершенствовавшимся учеными чувственного типа; с другой стороны, (б) все возрастающим числом ученых, которые отказываются сотрудничать в этом разрушительном злоупотреблении наукой и научным творчеством, в установлении и росте научных организаций, подобных нашему Обществу за социальную ответственность в науке, и наконец, в преобразовании базисных

теорий науки в морально ответственном, интегральном направлении.

Все это уже сделало современную науку менее материалистической, механистической и детерминированной — или менее чувственной, чем это было в предшествующие два столетия. Для современной науки материя стала лишь конденсированной формой энергии, которая дематериализуется в излучение. Материальный атом уже распался более чем на тридцать нематериальных «загадочных, таинственных, ошеломляющих, непостижимых, колдовских» элементарных частиц: электрон и антиэлектрон, протон и антипротон, фотон, мезон и т.д., или на «образы» волн, которые превращаются в волну вероятности, волны сознания, которые наша мысль проецирует вовне. Эти волны, подобно тем, которые ассоциируются с распространением световых квантов, не нуждаются для распространения в пространстве-времени ни в каком материальном субстрате; они не волнообразны ни в жидкости, ни в твердом теле, ни в газе. В современной квантовой механике и электронике основные понятия «материалистической и механистической науки», такие как материя, объективная реальность, время, пространство, причинность, уже не применяются, и свидетельство наших чувств во многом теряет свое значение. Детерминированная причинность в субатомном мире уже уступила место принципу неопределенности Гейзенберга, забавным «прыжкам квантов», просто случайной связи, а в психосоциальных феноменах «волютаристским», «добровольным законам подчинения», или имманентной самодетерминации, свободной от причинности и случая.

Эта последняя точка зрения подчеркивается такими лидерами в физических науках, как Макс Планк, Альберт Эйнштейн, А. Эддингтон, Е. Шредингер, В. Гейзенберг, Х. Маргенау, П. Дирак и многими другими.

Подобные преобразования имели место в новых, лидирующих теориях биологических, психологических и социальных наук. В противоположность устаревшим, хотя еще и используемым, клише механистической, материалистической и детерминистской биологии, психологии и социологии, восходящие значительные теории в этих дисциплинах ясно показывают, что феномены жизни, организм, личность, разум и социокультурные процессы не редуцируемы и не могут быть поняты как чисто материалистические, механистические и чувственно воспринимаемые реальности. Согласно этим теориям, они имеют, кроме своего эмпирического аспекта, гораздо более важные рациональные и даже сверхчувственные и сверхрациональные аспекты. В этих и других формах самая современная наука стала уже весьма интегральной по сравнению с той, что была в девятнадцатом веке. Что означает все возрастающее замещение отмирающих чувственных элементов науки новыми интегральными.

ГЛАВА 3. Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип⁴

1. Три прогноза

Лидеры Запада уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому («свободное предпринимательство») типу общества и культуры. Напротив,

лидеры коммунистических стран самоуверенно ожидают коммунистической победы в ближайшие десятилетия. В отличие от тех и других предсказаний, я склонен думать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть теперешнее угрожающее критическое положение, то доминирующим типом возникающего общества и культуры не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а тип *sui generis*, который мы обозначим как интегральный тип. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим порядками и образами жизни. Он должен включать в себя большинство позитивных ценностей и быть свободным от серьезных дефектов каждого типа. Больше того, возникающий интегральный строй в своем полном развитии не будет, вероятно, простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединенной системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистического и коммунистического образцов. Если человечеству не удастся избежать новых мировых войн и оно не сможет сегодня ослабить угрозу критических ситуаций, то его будущее станет проблематичным и мрачным. Таков вкратце мой прогноз альтернативного будущего человечества.

Мои главные основания для этого прогноза следующие три. Во-первых, в чистом виде оба строя, и капиталистический, и коммунистический, очень несовершенны и не могут удовлетворить потребность будущего человечества в достойной созидательной жизни. Во-вторых, оба строя работают только

в особых условиях в особые периоды. В иных условиях и в иные времена они не работают и потому не нужны. В-третьих, за последние три десятилетия оба строя в западном и восточном блоках наций⁵ все более и более теряли свои специфические черты и «заимствовали» и объединяли в себе характеристики друг друга. В этом смысле оба типа все более ослабевали и становились более подобны друг другу в своих культурах, социальных институтах, системах ценностей и образах жизни. Это означает, что оба типа, представленные примерами США и Советской России, переживают процесс объединения в промежуточный тип, отличный от коммунизма и капитализма.

Этот промежуточный тип в течение периода своего существования будет представлять собой эклектичную смесь характеристик обеих систем. Однако, если будет дано необходимое время для его мирного развития, он в конечном счете вырастет в единый интегральный социальный, культурный и личностный строй в человеческой вселенной.

2. Упадок реального капитализма

В этой главе я не собираюсь обсуждать в деталях первые два основания моего прогноза. Для моих целей достаточно сказать, что если бы капитализм был способен успешно удовлетворять крайне необходимые потребности современного человечества, он не пришел бы в упадок, как это произошло в ведущих капиталистических странах, и не встречал бы все возрастающего сопротивления для своего развития в так называемых отсталых странах. Любая страна и человечество в целом если и отбрасывают

какую-либо значительную ценность или институт — будь то политический, экономический или какой-либо другой, — то редко, и постольку, поскольку эта ценность или институт реально служат удовлетворению насущных потребностей данного общества. Если, в нашем случае, от капиталистического социокультурного порядка все более отказываются даже в бывших ранее капиталистическими странами и заменяют его коммунистическим, социалистическим, государством всеобщего благоденствия, управляемой демократией, фашистским, нацистским, «корпоративным» и другими порядками, это означает, что капитализм все больше становится неудовлетворительным и несовременным. Этот вывод особенно очевиден на примере бывших капиталистических стран, таких как Германия, Англия, Франция, США и большинство западных стран, где отход от капитализма, начавшийся уже в конце девятнадцатого столетия, часто инициировался самими лидерами этой системы (особенно теми, кто ввел «корпоративную экономику» («the corporatization economy») и прогрессировал с того времени «естественно», имманентно, окончательно, без насильственных революций или военного принуждения со стороны иностранных армий. В настоящее время отход от капитализма зашел уже настолько далеко, что во всех евро-американских странах, включая США, подлинная «полнокровная» капиталистическая или «свободно-предпринимательская» (free-enterprise) система экономики превратилась лишь в один из секторов экономики этих стран, причем не всегда главный.

За последние несколько десятилетий, особенно начиная с 1914 г., бок о бок с этой «полнокровной» капиталистической системой, опиравшейся на «полнокровную» частную собственность, возникли и окрепли «экономика корпораций» и «экономика, регулируемая правительством» («the governmentally managed economy»), и та, и другая существенно отличаются от капиталистической системы. И с некоторыми колебаниями эти две системы экономики все более и более заменяют подлинный капиталистический экономический порядок. Чтобы сделать понятным последнее утверждение, нужно напомнить тот факт, что «полнокровный», классический, капитализм опирается на «полнокровную» частную собственность, которая означает право владеть, использовать, управлять и распоряжаться предметом собственности. В регулируемой правительством экономике чиновники не являются владельцами национальной собственности, которую они контролируют, владельцем является нация, а правительство выступает лишь распорядителем национальной собственности. Подобным образом, в корпоративной экономике совет директоров, который управляет, не является владельцем всей собственности большой корпорации; примерно в двухстах крупнейших корпорациях США ни один из директоров не владеет даже пятью процентами собственности корпорации. Владельцами являются десятки и сотни тысяч держателей пакетов акций этих корпораций. Подавляющее большинство этих владельцев не руководит и не распоряжается собственностью корпорации. Эти функции выполняются советом директоров каж-

дой корпорации, которые, подобно правительственным чиновникам, не являются ее собственниками. В регулируемой правительством и корпоративной экономике мы имеем базовое разделение «полнокровной» собственности: те, кто владеют, не управляют, те, кто управляют, не владеют. Это главное отличие от классического типа полного собственника, на которого опиралась капиталистическая система, делает регулируемую правительством экономику и экономику корпораций фундаментально отличными от классического капитализма (с которым — намеренно или нет — корпоративная экономика еще ошибочно идентифицируется, особенно корпоративными боссами, которые говорят о ней как о «свободном предпринимательстве» или «капиталистической экономике»).

Практически во всех западных странах в последние десятилетия регулируемая правительством и корпоративная экономика систематически росла за счет «полнокровного» капитализма и, поскольку этот капитализм составляет уже незначительный сектор во всей экономике США и некоторых других западных стран, этот факт, как отмечалось выше, ясно свидетельствуют об упадке подлинно капиталистической системы.

3. Социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы

Несколько иначе то же самое может быть сказано о тоталитарно-коммунистической системе экономики. Под этим подразумевается система экономики, в которой частная собственность отменена; вся экономика страны «национализирована» и полностью ре-

гулируется правительством. Она является «централизованной», «плановой» экономикой, в которой правительство решает все вопросы регулирования производства, распределения, обмена и потребления экономических товаров. Коммунистическая система — просто разновидность этой тоталитарной системы экономики.

Эта система экономики появилась давно и не раз встречалась в истории человечества: при разных правительственных режимах и разных идеологиях в некоторые периоды Древнего Египта, особенно в Птолемеев период; в древней Спарте и Липаре; в Риме, особенно после 301 г. н.э.; в некоторые периоды Византийской империи; в древнем Перу; в некоторые периоды в Китае, Индии и многих других странах — упомянем лишь несколько выдающихся случаев. Она инициировалась и вводилась всеми видами правительств и при всех видах «приукрашивающих», «рационализирующих» и «освящающих» идеологий; египетскими фараонами, римскими и византийскими императорами, инками Перу, китайскими или европейскими самодержавными монархами, военными завоевателями; религиозными властями, такими как иезуиты в Америке, и многими монархистскими, республиканскими, демократическими, военными, социалистическими и коммунистическими правительствами. Не менее разнообразными были «идеологии», которые оправдывали, поддерживали, рационализировали и приукрашивали эту тоталитарную систему экономики и управления; все виды идеологий — религиозная, моральная, политическая, утилитарная, «националистическая», «экономическая», «социологическая»

и другие, начиная с традиционных египетских религиозных верований и культа фараона как Бога и кончая последними: коммунистической, социалистической, нацистской, фашистской, лейбористской, пентагоновской, государства всеобщего благоденствия и многими «диктаторскими» идеологиями — исполняли эту роль. Это означает, что коммунистическая система экономики и идеологии является только одной из многих разновидностей тоталитарных систем экономики, идеологии и политического режима. В разнообразных формах они доминировали в прошлом и часто появлялись в последнее время.

Типы экономик, систем управления и идеологий во всех странах не являются чем-то постоянным, но непрерывно колеблются между полюсами тоталитарного и совершенно свободного режимов типа *laissez, passer, laissez faire*⁶ с минимумом правительственного контроля социальной жизни, взаимоотношений и поведения граждан. В течение чрезвычайного периода правительственный контроль может увеличиваться, и соответствующие системы экономики, управления и идеологий в разной степени подвергаются тоталитарной конверсии; в другой период в том же самом обществе масштаб и жесткость правительственной регламентации может уменьшаться, и его экономика, управление, идеологии и весь образ жизни детотализируются или реконвертируются в направлении свободной экономики, управления, идеологий и образа жизни.

Следует заметить, что в современной социологии существует даже генерализующая формула, которая удовлетворительно объясняет, как, когда и поче-

му происходят эти колебания. Вот эта формула в упрощенном виде: всякий раз, когда в определенном обществе возникает значительный кризис в форме войны или угрозы войны, большого голода, большой экономической депрессии или опустошительной эпидемии, землетрясения или наводнения, анархии, беспорядков и революции или в виде какой-либо другой крупной критической ситуации, тогда масштабы и суровость правительственной регламентации неизменно увеличиваются, и экономика общества, политический режим, образ жизни и идеологии испытывают тоталитарную трансформацию; и чем сильнее кризис, тем значительнее эта трансформация. Напротив, каждый раз, когда сильный кризис в обществе уменьшается, масштабы и суровость правительственной регламентации уменьшаются, и экономические, политические, идеологические и культурные системы общества реконвертируются к мирным детоталитарным, менее регламентированным и более свободным образам жизни; и чем больше спадает кризис, тем больше свободная реконверсия. Я могу добавить к этому, что эти колебания — или тоталитарные конверсии и де-тоталитарная реконверсия к свободе — мало зависят от желаний правительств и случаются так же регулярно, как и колебания ртути в термометрах при изменениях температуры⁷.

В свете этого «социального единообразия» или «социального закона» понятно, почему правительственный контроль практически всех сфер социальной жизни неизменно усиливается в связи с внезапным началом войны или в связи с эпидемией, землетрясе-

нием, голодом, социальными беспорядками или любой другой критической ситуацией. Между прочим, единообразие объясняется также регулярная и зачастую очень резкая тоталитарная конверсия «свободной, демократической» экономики и управления во время войны или других критических ситуаций. Далее, эта формула показывает, что различные тоталитарные трансформации систем экономики, управления и идеологий происходят отнюдь не редко, а напротив, довольно часто в истории практически всех народов.

Наконец, этот «социальный закон» также объясняет мое утверждение о том, почему коммунистическо-тоталитарная разновидность экономики, управления и образа жизни не может успешно удовлетворять жизненные и творческие потребности людей в хорошей жизни, свободной от безнадежных критических ситуаций, если завтрашнему человечеству суждено иметь такую хорошую жизнь. Коммунистическая и другие разновидности тоталитарной экономики, управления и образа жизни — это дети критических ситуаций -родителей. Это сильные, но опасные «лекарства», применяемые для противодействия безнадежной «кризисной болезни». В условиях этой «болезни» они иногда (хотя и не всегда) полезны в преодолении «болезни» и восстановлении нормального «здоровья» больного социального организма. Как только его здоровье улучшится, такое лекарство не только перестает быть необходимым, но даже становится вредным для общества. По этой причине оно постепенно отменяется и заменяется «нормальным» режимом социальной, культурной и индивидуальной жизни, свободной от чрезвычай-

ной правительственной регламентации и других тоталитарных черт. И здесь мы получаем детоталитарное возвращение к условиям мирного времени, которое регулярно происходит с ослаблением чрезвычайного положения, как показано в описанном «социальном законе» или «формуле единообразия».

Вывод из этого анализа по отношению к современным коммунистическим, «военным» (Пентагон), «нацистским», псевдодемократическим и всем другим «диктаторским» разновидностям тоталитарного строя таков: если в ближайшем будущем теперешние отчаянно критические ситуации (холодной и горячей войн, великой социальной смуты, исключительной бедности большей части человечества, смертельной радиации, перенаселения и др.) пойдут на убыль, то чем решительнее человечество отойдет от этих крайностей, тем больше следует ожидать упадка тоталитаризма. Если же взамен заметного спада современные продолжительные критические ситуации будут продлеваться или усиливаться в течение долгого времени, то коммунистические и другие разновидности тоталитаризма обязательно будут расти столь же долго, сколь будут продолжаться или расти критические ситуации. В конечном счете, продолжительные кризисы с их тоталитарными результатами могут привести человеческую расу к фатальной катастрофе и ограничить на долгое время, если не навсегда, созидательную историю *homo sapiens* на этой планете. Сильные затяжные критические положения, подобно тяжелой болезни, все больше подрывают здоровую и творческую жизнеспособность социальных организмов, и если не «залечить» их во-

время, они могут нанести фатальный вред и в конечном счете привести тяжело больные организмы государств или даже все человечество к бесславной смерти или к неизлечимой хронической агонии «нетворческой жизни в смерти». Если мы допускаем, что теперешние тяжелые кризисы могут ослабляться «нормальными», «не-критическими» средствами и методами, то все формы современного тоталитаризма приговорены к упадку; если крайности будут продолжаться или увеличиваться, то ближайшее будущее принесет победу коммунистической и другим формам тоталитаризма. Если, после их победы, «опасно сильная терапия» не излечит тяжелые критические ситуации нашего века, то постоянная «жизнь в смерти» вырисовывается как судьба оставшейся в живых, лишенной иллюзий и тяжело больной части человечества.

Примечания

1. См. подробную статистику научных открытий и изобретений, сделанных разными западными странами с 700 до 1908 г.: Sorokin, P.A. *Social and Cultural Dynamics* (New York: Bedminster Press, 1962), II, 141 ff; Sorokin, P. *Society, Culture and Personality* (New York: Cooper Square Publishers, 1962). P. 570–572.
2. Kyrie eleison (греч.), Agnus-Dei, Credo (лат.) — начальные слова христианских религиозных песнопений.
3. См. подробную разработку и документирование этого очерка: Sorokin, P.A. *Social and Cultural Dynamics*. 4 vols. (New York: Bedminster Press, 1962).
4. Существуют германское, испанское и русское (сокращенное) издания этой главы. (В Российской государственной библиотеке русское издание отсутствует и о нем нет библиографических сведений. — Прим. пер.)
5. В этой статье я ограничиваю свой анализ евро-американским континентом, сосредоточиваясь на переменах в Соединенных Штатах и России за последние сорок лет. В отношении Китая, где коммунистическая система находится еще во многом в своей первой, принудительной, фазе, я просто могу утверждать, что, если китайскому коммунистическому порядку предоставить мирные условия для его свободного развития, в свое время он также испытает преобразование, существенно сходное с таковым в Советской России. Первая фаза любой насильственной революции, и особенно коммунистической революции, всегда преобладающе деструктивна, насильственна и бесчеловечно жестока. В конечном счете, если революция не подавлена, она переходит из деструктивной во все более конструктивную фазу. Преобладающе деструктивная фаза русской революции уже прошла, и сейчас она вступила в свою конструктивную фазу (к несчастью, прерванную Второй мировой войной и очень отставшую в своем прогрессе из-за последовавших одна за другой горячей и холодной войн), в то время как китайская революция еще находится в конце своей деструктивной фазы и только вступает в конструктивный

- этап развития. См. об этих фазах в развитии практически всех великих революций: *Sorokin, P. Sociology of Revolution* (Philsdelphis, 1924) and in *Sorokin, P. Society. Culture and Personality* (New York, 1962). Испанское издание этой книги озаглавлено: *Sociedad, Cultura y Personalidad* (Madrid, 1960).
6. *Laissez, passer, laissez faire* — позволять действовать, позволять идти своим ходом (*фр.*)
Лозунг физиократов.
7. Сравните: подробное обоснование этого единообразия и огромная масса подтверждающих доказательств см.: *Sorokin, P. Social and Cultural Dynamics* (New York: 1962), Vol. 3, Ch. 7; сокращенное однотомное издание: *Dynamics*, chs. 29–30; *Sorokin, P. Man and Society in Calamity* (New York: E.P. Dutton & Co., 1942), Ch. 7.